

Предисловие

2000 год получился у меня, с одной стороны, таким «домоседским», что ли, поскольку за весь год я ни разу не выезжал из Байкита, а с другой — плодотворным в литературном плане. В этом году у меня вышло в красноярских издательствах три книги: «Алгебра и гармония», «История любви» и «Северная экзотика».

В книге «История любви» была опубликована подборка «Стихи с посвящением», адресованная Наталье Васильевне Кецкало, несколько лет проработавшей в Байкитской средней школе, а потом вернувшейся на, как у нас принято говорить, Большую землю. По выходе книги я отправил один экземпляр по её новому адресу и через некоторое время получил ответ. Думается, наше заочное общение — моя бандероль с изданной книгой и её ответное письмо — представляет интерес не только в плане творчества и межличностных отношений, но и в связи с глобальными событиями, происходящими в мире.

ИСП
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Виталий НЕИЗВЕСТНЫХ

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Стихи с посвящением

В этом году Байкитская средняя школа празднует свой юбилей — семидесятилетие со дня основания.

Эти годы вместили в себя очень много событий, среди которых были, конечно, всякие: и грустные, и смешные, и трагические... Все эти события хранятся в памяти учителей и учеников, и, возможно, кто-то из них поделится своими воспоминаниями...

Непосредственная работа автора этих строк связана с БСШ последние пять лет, но жизнью школы я интересовался с момента переезда в Байкит в июне 1979 года.

Меня всегда интересовали люди творческие. Одному из таких творческих людей, ещё сравнительно недавно работавшему в школе, и посвящена подборка стихов, которую я хочу предложить уважаемым читателям.

Как же судьба конкретного человека — Натальи Васильевны Кецкало — отразилась в общей истории Байкитской средней школы? Говоря кратко, уроками ритмики и двумя конкурсами бального танца, прошедшими в школе весной 1994 и 1995 годов и запомнившимися как школьникам — непосредственным участникам этих конкурсов, так и многочисленным зрителям, большинство из которых были, естественно, родственниками участников.

Стихи эти написаны в то время под впечатлением выступлений как самой Натальи Кецкало (организованный ею Байкитский доморощенный театр в те годы доставил школьникам немало приятных минут), так и её учеников — школьников разных классов нашей школы. (В 1995 году она уехала из Байкита на родину, в Новосибирскую область.)

1.

Когда ты выходишь на сцену с партнёром,
Ему не хватает свободного места.
Ценители танцев вжимаются в кресло,

Когда ты выходишь на сцену с партнёром.
А если ты вы выйдешь на сцену одна,
Ловя каблучками высокие ноты,
Ожог получают ценители танцев...

2.

Словно пчёлки в ульях,
Мы сидим на стульях,
Спокойны и внимательны.
Дорогая Натали,
Нашу жажду утоли
Танцем зажигательным!

3.

Если танец — подобье огня —
Зажигает и вас, и меня,
Встанем дружно и скажем ей хором:
— Хорошо быть хорошим танцором!..

4.

Как отраженье жизненных гримас,
Нахмуренно-печальны наши лица.
А у неё не жизнь, а вечный вальс,
Фокстрот, чарльстон...
Покой ей только снится.

5.

Когда судьба нас сталкивает лбами,
Так хочется порой метать и рвать!..
Кусаться лучше чистыми зубами.
Давайте ж с чистым сердцем танцевать!..

6.

Неуютно и холодно стало в гимназии к лету.
По пустым коридорам свободно гуляет сквозняк.
Вот ещё одна певчая птичка покинула тесную клетку.
Улетает на волю, в столицу Сибири, на днях...

26.09.2000

«Добрый день, уважаемый Виталий Николаевич!

Приятной неожиданностью было для меня получение Вашего авторского сборника. Я искренне рада за Вас как состоявшегося поэта. Да к тому же я узнала (опять же из вашего собрания сочинений), что «есть в мире сердце, где я живу». Спасибо за память. Хотя я не люблю вспоминать байкитский период из-за того, что моя трудоспособность там гиперболизировалась. Для меня это время сплошной усталости — и физической, и моральной.

В теперешней моей жизни я пытаюсь следовать совету нашего соотечественника:

Душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь по сень уединенья...

Нагрузка небольшая. Оплата хорошая. Больше занимаюсь собой, семьёй. Я веду кружковую (хореографическую) работу в училище. Правда, сознаюсь, характерность некоторых учащихся „заводит“ меня. У них ведь, у семнадцати-девятнадцатилетних, свой взгляд на жизнь, даже на те её стороны, в которых мало что смыслят. Я имею в виду эстетику движений, сцены и прочее.

В наше училище часто приезжают немецкие делегации (из педагогов, соцпедагогов, мастеров), а ныне будут министр и директор училища (Германии). Планируется международный семинар.

Немцы курируют наших, помогают материально (много контейнеров было получено с компьютерами и прочей техникой и даже мебелью). Ну а после того... планируется только приятное: банкет-фуршет и культурная программа, подготовленная взрослыми. Вот здесь-то и случаются „исключения из правил“ в моей упорядоченной жизни.

Из байкитян я переписываюсь только с Т. А. Чунаевой. Прочтя её последнее письмо, я порадовалась за детей и учителей — ведь теперь они учатся и работают в новом здании. Хочется через Вас, Виталий Николаевич, пожелать

всем байкитянам, таким далёким и таким родным, чтобы они почаще получали приятные сюрпризы, нежели ожидание, заботы, уныние. Всего Вам доброго. Новых творческих исканий, воплощения задуманного.

С уважением, Наталья Васильевна».

В ноябре 2006 года в одном из красноярских издательств увидела свет моя книга «Школьная дюжина лет». В это время я как раз был в краевом центре на курсах повышения квалификации учителей информатики. В самом начале курсов их руководитель устроил нам, учителям, приехавшим на курсы из разных городов и весей края, испытание, предложив сдать ЕГЭ по информатике. Результат этого испытания меня порадовал, поскольку я вошёл, говоря спортивным языком, в призовую тройку.

В заключительный день курсов я съездил в типографию, привёз пачку книг, ещё пахнущих типографской краской, и поделился радостью и с сокурсниками, и с самим руководителем курсов, подарив им по экземпляру только что вышедшей книги.

По возвращении в Байкит я отправил только что вышедшую книгу по нескольким адресам и от одного из адресатов получил обстоятельный ответ. Работая над этой книгой, я сознательно или подсознательно оглядывался на пройденный в роли учителя информатики путь, составлявший на момент выхода книги двенадцать лет. Давая название своей книге, я был настолько увлечён творческим процессом, что не потрудился расставить хотя бы некоторые точки над «i». О том, какие именно точки над «i» не были мною расставлены, заинтересованный читатель может узнать, ознакомившись с нижеследующим письмом. Письмо действительно было обстоятельным, поэтому я привожу его в сокращении.

4.02.2007

«Здравствуйте, Виталий Николаевич!

Не подумайте, что я так долго читала Вашу книгу, — я быстро её прочла. Долго раздумывала, писать

ли рецензию, и решила, что не буду: Каменская совету-ет не делать, не говорить и не думать ничего, о чём тебя не просят. Я всю жизнь страдаю от своей инициативности, потому последую совету Марининой. Но вот Вашему корректору несколько вопросов бы задала по поводу орфографии, если б довелось встретиться. У Вас хочу спросить только одно: кто автор названия книги? Редактор, автор или кто-либо третий? Я немного озадачена. В своём авторском понимании Вы, конечно же, можете трактовать слово „дюжина“ сколь угодно малым или большим числом. Ну, выдумать можно что хочется. Вы так видите (понимаете). Но мне, как читателю, тоже хотелось бы узнать. Я так рассуждала. В обычном понимании дюжина — 12. Даль пишет: „двенадцать однородных вещей, считаемых дюжинным счётом“... Помня о том, что у Вас высшее „точное“ образование (не гуманитарное, в общем-то), я не допускаю мысли, что Вы путаете 10 и 12 (тем более 10 и 13 — „чёртову дюжину“). Мы с Вами учились в школе в те времена, когда была десятилетка. Даже если предположить, что Вы — по болезни — сидели в каком-либо классе два года, то будет, мне кажется, маловероятным, что Вы проделали это дважды. Во всяком случае, в автобиографических рассказах об этом ничего не говорится. Биографии или хотя бы краткой биографической справки об авторе в книге нет (а почему? Мне было бы интересно)...

На прежнем месте жительства мне довелось стать одним из авторов сборника „Чернянские родники“, с тех пор никто не собрался „деятельно“ помочь в издании моих стихов. Да и пишу-то я очень мало. Наверное, лирика выходит из моды. Или уже вышла (в нашем понимании „лирики“). Что-то я рано забрюзжала (мне ещё далеко до пенсии и, надеюсь, до маразма тоже). Коротенький стишок я Вам из сборника напишу (тоже не для рецензии — он слабоват, гораздо слабее эпиграфа, за который С. Образцов был готов дать автору рекомендацию в Союз писателей). Но автора этой частушки не нашли.

Архив

Печку письмами топила,
Не подкладывала дров.
Любовалась, как светила
Моя первая любовь.

Частушка

Погоди, этих писем не рви.
Эти письма — не мусор.
Побродить по музею любви
Позвала меня муза.
Как сводила с ума эта страсть
От страданий любовных.
Уже буря в душе улеглась,
А по-прежнему больно.
Среди образов, мне дорогих,
Грежу и молодею.
Потому свой сердечный архив
Не сожгу, не развею.

В заключение я всё же рискну и выскажу, что я думаю по поводу Вашей книги. В рифму постараюсь.

Нюют критики: тот — не поэт,
Этот — вовсе сомнительный классик,
И писателей истинных нет,
И гранит поменяли на пластик...
После Ваших рассказов прелестных
Я скажу: опасенья — пустые,
Есть таланты среди неизвестных,
Есть среди Неизвестных Толстые!

Виталий Николаевич, мне школьная тема вашей книги навеяла воспоминания о детских рассказах Льва Николаевича (я их очень люблю), поэтому такие ассоциации. Надеюсь, ваше чувство юмора не претерпело больших перемен, уповаю на снисходительность, свойственную вам.

С уважением, И. Галуза».